

10.02.00

О.Г. Кобжицкая

Иркутский государственный университет,
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации,
кафедра востоковедения и регионоведения АТР,
Иркутск, mingyun@mail.ru

ПЕРЕВОД КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ИМЕНАМИ (АНТРОПОНИМАМИ)

Данная статья посвящена анализу употребления прецедентных имен (антропонимов) в составе фразеологизмов китайского языка, выявлению особенностей таких фразеологизмов и анализу способов их перевода. В статье также рассматриваются вопросы, связанные с переходом имени собственного в нарицательное, причины и условия появления прецедентной лексики. Автор отмечает трудности, возникающие при переводе китайских прецедентных фразеологизмов и наиболее оптимальные варианты их перевода на русский язык.

Ключевые слова: имена собственные (антропонимы), национальная картина мира, феномен прецедентности, имена нарицательные, фразеологизмы, культурно-исторический фон, фразеологический эквивалент, фразеологический аналог.

В современном мире с увеличением международных контактов также усиливается интерес и к национальным традициям. Приобщение к национальной культуре другой страны немыслимо без знания ее истории, мифологии, литературы. Фразеологизмы представляют собой некую форму, фиксирующую обычаи, нормы, традиции и картину мира в языке. Входящие в их состав имена собственные – антропонимы (имена людей) становятся источником богатой культуроведческой информации. От того, насколько грамотно осуществлен их перевод, зависит успех процесса коммуникации.

Прецедентные имена – это важнейшая часть национальной культуры в ее историческом развитии, тесно связанная с национальными ценностями и традициями [9]. Это культурное явление, которое отражает современное состояние общества и его историю, а также психологию людей. По мнению Е.А. Нахимовой, развитие прецедентной семантики у имен собственных связано с процессом категоризации, концептуализации и оценки действительности в рамках национальной картины мира [9]. На протяжении своей жизни в сообществе имя собственное обрастает массой коннотаций и ассоциаций, понятных носителям данной культуры, но абсолютно закрытых для непосвященных [13]. Недостаток фоновых знаний, содержащихся в семантике имени собственного, может стать серьезным препятствием в процессе взаимодействия представителей разных лингвокультур.

Современные исследователи феномена прецедентности В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко выделяют следующие виды прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации. Прецедентные феномены являются основными составляющими когнитивной базы и выявляют взаимосвязь условий существования народа, его языка, культуры и ментальности [9]. Под прецедентными именами понимаются имена собственные, которые уже не используются для обозначения конкретного человека. В этом случае имя собственное переходит в разряд обычной лексики и становится именем нарицательным. Причиной появления такого рода лексики является стремление выразить свои мысли образно и лаконично. За именем того или иного человека стоит целое событие, хорошо известное представителям данного языкового коллектива [15]. Так, в китайской культуре имя Чэнь Шимэй 陈世美 ассоциируется с образом человека, который при повышении общественного положения бросает жену и устремляется на поиски новой ее замены (а порой и просто мужа, бросившего жену). В Китае Чэнь Шимэй – отвергнутая с отвращением личность, и это отражает нормы честности и морали китайцев. Существует ряд фразеологизмов с именем этого персонажа: 陈世美当驸马 — 喜新厌旧 «Чэнь Шимэй стал зятем императора» – «увлекаться новым и отвернуться от старого» (о

непостоянстве в чувствах) [16].

В других странах используются свои персонажи и их имена, ставшие прецедентными. Они отражают психологию национальной культуры и ценностные представления, часто выступают как нравственные эталоны нации, фиксирующие ее оценку реальности [9].

Источником многих китайских прецедентных имен послужили классические романы «Троецарствие», «Сон в красном тереме», «Речные заводи», «Путешествие на Запад». Театральные представления, в основу которых легли сюжеты из романов, пересказы романов – все это способствовало усвоению и широкому распространению имен персонажей в народной среде. Даже безграмотным деревенским жителям были известны смыслы, стоящие за теми или иными именами.

По мнению китайского лингвиста Чэнь Сяньчуна, для того, чтобы имя собственное стало прецедентным и перешло в нарицательное, необходимо наличие следующих условий:

- необходимость в обозначении схожих черт как можно большего числа людей;

- известность, которая приобретается в связи с широким распространением [15].

Упомянувшееся выше имя Чэнь Шимэй стало популярным благодаря пьесе «Дело об убийстве Мэй», которая ставилась на протяжении нескольких столетий в городах и селах. Это имя прочно укоренилось в сознании людей и возникает всякий раз при упоминании людей со схожими чертами.

Следует отметить, что не только имена литературных персонажей, но и имена реальных исторических деятелей тоже могут стать прецедентными. В действительности обычное имя при определенных условиях может начать употребляться в языке как прецедентное:

刘将军不会背叛投敌，他是关云长，不是吕布。 *Генерал Лю не мог стать изменником и переметнуться на сторону врага, ведь он – Гуань Юньчан, а не Люй Бу.*

Гуань Юньчан 关云长 или Гуань Юй 关羽 – это легендарный полководец эпохи Троецарствия (220-280 гг.), возведённый в ранг бога войны (关老爷). Хотя генерал и полководец эпохи Троецарствия Люй Бу также хорошо известен, но он не вошел в язык в качестве прецедентного персонажа. В приведенном примере его имя употреблено для сравнения и таким образом имена обоих полководцев получают обобщенное значение: «преданного воина» (Гуань Юньчан) и генерала-предателя (Люй Бу).

Как было отмечено выше, одним из условий перехода имени собственного в имя нарицательное является известность носителя имени. Это в равной мере относится и к классическим ситуациям, которые вызывают у читателей (слушателей) многие культурно-исторические ассоциации, и делают речь более яркой и выразительной.

Прецедентная ситуация понимается как «некая «эталонная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу; означающим прецедентных ситуаций могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (например, *Ходынка*, *Смутное время*) или непрецедентный феномен» [7].

В русском языке прецедентные ситуации часто метонимически обозначаются при помощи указания на место, где произошло то или иное событие. Так, *Хиросима* и *Нагасаки* – это не только города, но и невиданная в истории человечества ядерная катастрофа.

В китайском языке прецедентные ситуации – это особый пласт лексики, отражающий своеобразие культурно-исторического развития китайской нации. Наличие в языке лексики с культурно-историческим содержанием требует от участников процесса коммуникации «минимальных

общих фоновых знаний, объём которых практически неизмерим» [11]. Основу взаимопонимания, диалога культур составляет знание коммуникантами как собственной культуры, так и культуры другой страны. Это знание включает в себе всю страноведческую информацию, представления об основных этапах развития истории, религиозных верованиях, выдающихся событиях и личностях и способствует успешному межкультурному общению. Один и тот же смысл может быть выражен по-разному, в зависимости от культурно-исторического фона, сложившегося в конкретной стране. Так, для передачи

значения «быть разгромленным; понести решительное поражение» в китайском языке используется выражение 走麦城 «вступить в город Майчэн», в английском – to meet one's Waterloo «встретить свое Ватерлоо». Источником китайского выражения является классический роман «Троецарствие». Оно связано с именем непревзойденного героя Гуань Юя, который одержал ряд блестящих побед, но недооценил противника и погиб, вступив в Майчэн.

他以前曾经过五关斩六将，这一次却走麦城了。В прошлом он добился больших успехов, а в этот раз потерпел фиаско.

Еще одно выражение, употребленное в примере 过五关斩六将 «пройти через пять застав и обезглавить шесть полководцев» означает «добиться полной удачи; быть самоудовлетворенным; самодовольство» [10].

По мнению китайского лингвиста Чэнь Сяньчуня, прецедентная ситуация не тождественна чэньюю. Чэньюй – это устойчивое фразеологическое словосочетание, чаще четырехсловное, построенное по нормам древнекитайского языка вэньянь с обобщенно переносным значением. Современные языковеды расширили рамки чэньюй и стали относить к ним устойчивые сочетания, не являющиеся четырехсловными. И хотя некоторая часть чэньюй представляет собой прецедентные ситуации, но большинство их таковыми не является. [15].

Если все же в основе чэньюй лежит прецедентная ситуация, то распознать ее без обращения к источнику крайне сложно. Как известно, источником большинства чэньюй является китайская классическая литература – всевозможные исторические и философские притчи, романы, мифы, крылатые слова и афоризмы, пословицы и др. В соответствии с принципом языковой экономии в чэньюй преобладает четырехзначная форма, «позволяющая выражать сложные, многообразные понятия максимально экономными средствами» [3]. «В чэньюй сохраняется лишь идея первоосновы, отсекается все конкретное, значение чэньюй оказывается более абстрактным, отвлеченным, переносным» [3]. Вместе с сокращением исходного свободного речевого оборота утрачиваются и детали, могущие «пролить свет» на содержание сюжета, лежащего в основе чэньюй. Даже за чэньюй с прозрачной мотивировкой значения, когда понять его смысл не составляет труда, может стоять определенная история. Например, в основе чэньюй 九牛一毛 «капля в море; ничтожно малый» (букв. «один волосок из шерсти девяти буйволов») лежит история, связанная с именем знаменитого историка Сыма Цяня. Он оказался в немилости у императора, был брошен в тюрьму и хотел покончить с собой, но поразмыслив, понял, что его смерть ровным счетом ничего не будет значить в глазах сильных мира сего. В письме другу он написал: 九牛亡一毛 «девять буйволов потеряли один волосок». Позже это выражение стало употребляться иносказательно и превратилось в широко известный чэньюй [3].

В свете теории прецедентности российский лингвист Н.Н. Воропаев выделяет в особый подраздел фразеологические единицы китайского языка, так или иначе связанные с прецедентными феноменами. Он предлагает рассматривать их «не просто как устойчивые выражения, но как прецедентные высказывания и как прецедентные имена в силу того, что они называют и актуализируют конкретные прецедентные ситуации» [4].

Как отмечает ученый, в некоторых прецедентных фразеологизмах антропонимы могут быть скрыты, но они актуализируются в сознании носителя китайского языка благодаря прецедентной ситуации, лежащей в основе данного фразеологизма. Так, идиома 桃园结义 «дать клятву верности в персиковом саду», обр. в знач.: *стать названными братьями, побрататься*. По преданию, в конце Ханьской эпохи такую клятву дали друг другу полевые командиры Лю Бэй刘备, Гуань Юй关羽 и Чжан Фэй张飞 и стали названными братьями.

Бесспорно то, что «фразеологические единицы являются языковыми репрезентациями лингвокультурных явлений вследствие своей способности отражать национальный менталитет и систему ценностей народа, который говорит на данном языке» [8]. Антропонимы наряду с топонимами, названиями предметов и явлений материальной культуры входят в группу слов, обозначающих реалии. Они обладают широкой

представленностью во фразеологизмах. Антропоним в составе фразеологизма – это уже не имя собственное, закрепленное за конкретным индивидом, а имя для обозначения «множества объектов, выделяемых и объединяемых по тем или иным общим свойствам» [12]. Другими словами, имя уже не относится к своему носителю и делается типичным для людей, чем-либо похожих друг на друга. Для того, чтобы имя собственное перешло в нарицательное, необходима, как уже упоминалось, известность денотата имени. По мнению А. В. Суперанской, «все члены данного языкового коллектива должны иметь определенные, пусть самые общие, но однотипные представления о самых общих свойствах денотата имени. Поэтому и содержанием нового понятия становится обычно лишь то общее, что известно каждому члену языкового коллектива о денотате данного имени» [12]. Так, «Пушкин наших дней» – это «великий писатель», «современная Хуа Мулань» – «перворазрядная героиня». В Китае Хуа Мулань почитают как героиню, переодевшуюся в мужской костюм и ушедшую на войну вместо своего отца.

«Культурная информация, заключенная в данных фразеологизмах, тесно связана с параметром денотации, именно они [антропонимы] являются носителями культурной информации» [2].

В виду того, что антропонимы относятся к культурно маркированной лексике и входят в группу реалий, перевод фразеологизмов с их участием требует особого подхода. Как правило, такие фразеологизмы в наибольшей степени связаны с фоновыми знаниями. «Фоновые знания об имени собственном включают в себя условия существования имени в обществе, связанные с ним культурно-исторические ассоциации, а также степень известности объекта и его имени» [8]. Также следует учитывать влияние антропонима на семантическое значение фразеологизма, которое заключается в мотивированности его значения компонентом антропонимом. Другими словами, в формировании образной основы фразеологизма главную роль играет антропоним. Употребляемый К. И. Кропачевой термин «аллюзивный оним» вместо прецедентного имени отражает приоритетность экстралингвистических факторов, связанных со сферой первичного употребления: историей, литературой, мифологией [8]. Как отмечает автор, аллюзивные онимы – библеизмы и мифологизмы, являются наиболее легкими для понимания в связи с их широким распространением в мировой культуре. При переводе на другой язык фразеологизмы с такими компонентами сохраняют свое прямое и переносное значение. Из трех типов соответствий фразеологическим единицам оригинала, выделенных В.Н. Комисаровым, данный тип относится к первому и представляет собой полный эквивалент. Полный эквивалент – это фразеологизм в языке перевода, совпадающий с фразеологической единицей оригинала по образности, лексическому составу, грамматической структуре и стилистической окраске. «Такие соответствия обнаруживаются у так называемых интернациональных фразеологизмов, заимствованных обоими языками из какого-нибудь третьего языка, древнего или современного: *The sword of Damocles* – *Дамоклов меч* [6].

При переводе на китайский язык возможен как дословный перевод с передачей антропонима путем фонетической транскрипции 达摩克利斯之剑, так и с помощью сочетания слов – 悬顶之剑 «меч, нависший над головой». На наш взгляд, предпочтительнее первый вариант, так как за данным мифологическим образом закрепился устойчивый символический смысл, понятный рецептору другой лингвокультурной общности.

Отметим, что полный фразеологический эквивалент – это достаточно редкое явление при переводе с китайского языка на русский, не говоря уже о фразеологизмах с компонентом антропонимом.

В случае если в основе происхождения объекта перевода лежит историческое или мифологическое событие не мирового масштаба, дословный перевод будет неуместен, поскольку потребует от представителя языка перевода необходимых фоновых знаний. Поэтому перевод фразеологизмов с прецедентными именами, взятыми из литературы, истории и реальной жизни страны языка оригинала может быть осуществлен описательно или с подбором фразеологического аналога.

При сопоставлении русского и китайского языков было выявлено, что фразеологизмы с частичной эквивалентностью составляют значительную часть от общего состава фразеологизмов. «Она [частичная эквивалентность] предполагает совпадение семантики соотносимых фразеологизмов разной структурной организации. Структурное различие обычно вызывает семантическое различие ФЕ. Поэтому соотносимые фразеологизмы чаще всего представлены фразеологическими аналогами, которые характеризуются одинаковым или близким сигнификатом» [2].

Рассмотрим способы перевода китайских фразеологизмов, в составе которых употреблены прецедентные имена (антропонимы).

Так, фразеологизм 三个臭皮匠, 合成一个诸葛亮 букв. «из трех грязных сапожников получится один Чжугэ Лян». Как видим, буквальный перевод этого выражения не дает ясного понимания его смысла. Имя Чжугэ Ляна широко известно носителю китайского языка как мудрого и талантливого полководца эпохи Троецарствия, но мало кому известно в русскоязычной среде. По мнению В.Ф. Щичко, в письменном варианте перевода буквальный перевод можно дополнить пояснением: «три сапожника по своей мудрости равны выдающемуся уму Чжугэяна». Однако в устном переводе лучше дать функциональный аналог этой поговорки: «один ум хорошо, а два лучше» [14]. Калькирование с пояснением применяется в тех случаях, когда переводчику важно передать образную конструкцию фразеологизма и сохранить национально-этнический компонент.

Описательно или с помощью свободных словосочетаний могут передаваться безэквивалентные фразеологизмы. «Безэквивалентные ФЕ – это ФЕ, присущие только данной языковой системе и отсутствующие в другой, что обусловлено спецификой национальных характеристик» [2]. Фразеологизмы квалифицируются как безэквивалентные при выявлении отсутствия их соответствия в иностранном языке. Это значит, что они обнаруживают себя только при сопоставлении конкретных языков. Большинство китайских безэквивалентов основано на мифах [2]. Исследовательница китайской фразеологии М. П. Афанасьева выделяет следующие типы мифов 故事: мифологические 故事, исторические 故事, религиозно-философские 故事 и основанные на ситуациях из классических романов Китая [1]. Приведем пример 故事 мифологического типа: 愚公移山 «Юй-гун передвинул горы» обр. в знач.: *упорным трудом достигнуть, казалось бы, невозможного* [10]. Для описательного способа перевода, примененного к данному фразеологизму, характерна объемность и нейтральная эмоциональная окраска.

Следующий фразеологизм – пример 故事, основанного на ситуации из классического романа «Путешествие на Запад»: 猪八戒照镜子 – 里外不像个人 букв. «Чжу Бацзе смотрится в зеркало – ни там, ни сям не похож на человека» обр. в знач.: *кругом виноват; никому не угодил*. И хотя Чжу Бацзе вымышленный персонаж, но по своей популярности он не уступает прецедентным именам реальных людей. Обликом он походил на свинью и олицетворял всевозможные человеческие пороки: был внешне уродлив, любил много и вкусно поесть, любил женщин и боялся трудностей [5]. Данный фразеологизм переведен с помощью свободного словосочетания. К недостаткам подобного способа перевода следует отнести потерю образно-ассоциативных свойств исходного фразеологизма.

Иногда для сохранения эмоционального компонента значения, выражающегося в положительном, отрицательном или нейтральном эмоциональном отношении, допускается перевод китайских фразеологизмов, основанных на мифах, с помощью аналога. Так, приведенный выше фразеологизм 愚公移山 «Юй-гун передвинул горы» может быть также переведен как *терпение и труд все перетрут*. В данном случае частичная эквивалентность характеризуется различиями в структуре и лексико-семантической представленности китайского и русского фразеологизмов.

东施效颦 «Дун Ши в подражание хмурит брови», обр. в знач.: *слепое подражание; ворона в павлиньих перьях*. В основе 故事 лежит философская притча о том, что уродливая баба по имени Дун Ши пыталась подражать красавице Си Ши, но от этого становилась еще уродливее. На наш взгляд, наиболее приемлемым способом перевода данного фразеологизма

также является аналог.

Как видим, наиболее частым способом перевода китайских фразеологизмов с прецедентными именами является фразеологический аналог – фразеологизм в языке перевода с таким же переносным значением, но основанном на ином образе. Причина кроется в отсутствии данной реалии в переводящем языке, а также в необходимости сохранения образного, эмоционального и стилистического компонентов значения фразеологизма.

Каждый из приведенных способов имеет свои достоинства и недостатки, поэтому лучший способ – это тот, который наиболее полно соответствует условиям контекста.

Антропоним в составе фразеологизма дает весьма противоречивое представление об объекте в силу ограниченного набора характеристик, создает сложности переводчику и требует от него глубокого осмысления ассоциаций при вербализации того или иного понятия. Как отмечает Н.Н. Воропаев, фразеологизмы с прецедентными именами (антропонимами) «обладают высоким уровнем абстракции, так как они являются результатом анализа и переосмысления объемных пластов литературы, истории, мифологии и т.д.» [4]. Поэтому для того, чтобы преодолеть языковой и культурный барьеры и, по меткому выражению С. Г. Тер-Минасовой, «достичь радости международного общения», переводчику необходимо овладеть культурным багажом, заключенным в них.

Список литературы

1. *Афанасьева М.П.* К вопросу о прецедентных именах в китайских фразеологизмах // *Magister Dixit* научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – 2011. – №4. – С. 12.
2. *Богаченко Н. Г.* Лексико-фразеологическая составляющая кросскультурной коммуникации / Н. Г. Богаченко, О. В. Павлова, Ю. А. Сальникова. – Ульяновск: Зебра, 2016. – С. 93.
3. *Войцехович И.В.* Практическая фразеология современного китайского языка. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – С. 30.
4. *Воропаев Н.Н.* Функционирование прецедентных имен китайскоязычного дискурса в составе и в качестве фразеологических единиц китайского языка // *Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая.* – 2013. – № 4. – Алматы. – С. 138.
5. *Кобжицкая О.Г.* Перевод антропонимов в китайских фразеологизмах // *Теоретические и практические вопросы науки XXI века: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции.* – Иркутск: МЦИИ "Хай-энд-Лайт", 2016. – С. 14.
6. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (Лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 153.
7. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – С. 47.
8. *Кропачева К.И.* Семантический аспект имён собственных, входящих в состав английских фразеологических единиц // *ФЭН-НАУКА: периодический журнал научных трудов (октябрь 2012).* – Бугульма. – С. 36.
9. *Нахимова Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т : Ин-т соц. образования, 2007. – С. 6.
10. *Ошанин И.М.* Большой китайско-русский словарь под ред. И.М. Ошанина. – Т. 1-4. – М.: Наука, 1983-1984. – С. 132.
11. *Ретунская М.С.* Английская аксиологическая лексика. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 1996. – С. 155.
12. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – С. 117.
13. *Хамаева Е.А.* Китайские антропонимы: монография. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – С. 24.
14. *Щичко В. Ф.* Китайский язык. Теория и практика перевода. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – С. 110.
15. *中国文化中的典型人物与事件*[专业书籍网络图书馆]. – 北京: 1999年 - 6页.
16. <https://www.vokitai.ru> (дата обращения 23.11.2016)